

Валерий Отяковский
Тартуский университет
valerii.otiakovskii@ut.ee

Valerii Otiakovskii
University of Tartu
valerii.otiakovskii@ut.ee

АВТОБИОГРАФИЯ И. Я. АЙЗЕНШТОКА

AUTOBIOGRAPHY OF I. YA. AIZENSHTOK

Ниже публикуется автобиография И. Я. Айзенштока, сопровождаемая объемным комментарием, который в очень значительной части основан на архивных материалах. Эти документы не только реконструируют канву биографии ученого, но также указывают на спорные и неоднозначные вопросы его биографии. Причины его переезда в Ленинград, реконструкция его военной службы во время Второй мировой войны и попытки найти свое место среди ленинградских культурных институций — эти вопросы исследователям предстоит решить в связи с опубликованными материалами.

Ключевые слова: И. Я. Айзеншток, Институт Тараса Шевченко, Пушкинский Дом, Союз Писателей.

This publication contains the autobiography of I. Ya. Aizenshtok, and a detailed commentary based on archival materials. These documents not only reconstruct the canvas of scholar's biography, but also point to controversial and ambiguous facts of it. Why did he move to Leningrad, how did he serve during the World War II, and how did he try to find his own level in cultural institutions of Leningrad — these questions await to be answered in view to the publication of Aizenshtok's autobiography.

Keywords: I. Ya. Aizenshtok, Taras Shevchenko Institute, Pushkin House, Union of Soviet Writers.

Публикуемая ниже автобиография И. Я. Айзенштока представляет несомненную ценность для всех, кто заинтересован темой нашего блока, поскольку более подробного жизнеописания главного героя сейчас не существует. При этом публикатор не претендует на открытие этого текста: практически идентичный документ на украинском языке уже опубликован и подробным образом прокомментирован Степаном Захаркиным в отдельном издании: (Айзеншток 2003). Однако русскоязычным читателям, инте-

ресующимся украинской интеллектуальной историей, также необходим доступ к этим материалам. В результате архивных разысканий была обнаружена другая редакция той же автобиографии — машинопись на русском языке хранится в ЦГАЛИ СПб, в объемном деле Айзенштока из Ленинградского Отдела Союза Советских Писателей, членом которого ученый был на протяжении нескольких десятилетий: ЦГАЛИ СПб. Ф. Р–371. Оп. 3-2. Д. 233. Л. 37–52 (в дальнейшем это дело цитируется без ссылки, но с указанием листа в основном тексте в круглых скобках).

Сопровождающий автобиографию документ позволяет пролить свет на обстоятельства его создания — к машинописи приложено письмо на бланке журнала «Звезда» адресованное в секретариат ЛО ССП и написанное 3 февраля 1975 года заместителем главного редактора журнала П. В. Журом: «Дорогие товарищи! Прилагая к сему автобиографию Иеремии Яковлевича Айзенштока, которому 4 марта нынешнего года исполняется 75 лет, как человек, занимающийся изучением творчества Шевченка и украинско-русских литературных связей, — хочу отметить огромный вклад в шевченковедение и славяноведение, сделанный нашим дорогим юбиляром. Полагаю, что И. Я. Айзеншток, известный ученый-писатель-коммунист, активный участник Великой Отечественной войны достоин того, чтобы наша литературная общественность широко отметила его 75-летие. Думаю, что я выражаю мнение многих товарищей, знающих И. Я. Айзенштока» (Л. 36). По всей видимости, и украинский вариант был создан в рамках подготовки к празднованию юбилея ученого.

Наш комментарий носит специальный характер. Публикатор не ставил своей задачей дать подробное толкование текста, поэтому общая информация в примечаниях дается только о тех фамилиях и реалиях, которые плохо известны даже подготовленному русскоязычному читателю. Множество полезных сведений содержат комментарии С. А. Захаркина к упомянутому изданию; мы приводим некоторые из них. Однако они не исчерпывают всех сведений, которые может из них получить исследователь. От необходимости аннотировать упоминаемые работы Айзенштока освобождают публикуемые в блоке «Материалы к библиографии». Настоящая же цель наших комментариев — ввести в оборот множество дополнительных архивных материалов, как из того же дела ЦГАЛИ СПб, где сохранились еще несколько автобиографий меньшего объема, так и из других собраний, изученных во время разысканий вокруг биографии Айзенштока. Эти материалы расширяют контекст, а в ряде случаев позволяют выйти за рамки, которые ставит официальный документ, — особенно это касается доноса на Айзенштока, видимо, повлиявшего на его судьбу, а также фрагментов писем разных лиц, так или иначе связанных с филологом. Публикатор выражает сердечную благодарность Оксане Пашко за помощь в подготовке материала.

В. Отяковский

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился 4.III.1900 (н. с.) на Украине (г. Елисаветград, ныне Кировоград), в семье фармацевтов¹. В конце 1904 г. родители переехали в Харьков, где я, в 1916 г., закончил реальное училище. В том же году был принят в Харьковский университет, на юридический факультет²; посещал также лекции историко-филологического факультета, начал работу в Историческом архиве³, познакомился с профессорами-филологами. В 1917 г., по советам проф. Н. Ф. Сумцова и приват-доцента А. И. Белецкого, перешел на историко-филологический факультет. Закончил его в 1921 году.

В университете пользовался вниманием и благожелательным содействием упомянутых Н. Ф. Сумцова и А. И. Белецкого, а также профессора-слависта С. М. Кульбакина, который настойчиво направлял мои интересы в сторону славистики, даже занимался со мною у себя дома чешским языком (сербохорватский, болгарский и польский он преподавал в университете). К сожалению или счастью для меня, С. М. Кульбакин в 1919 г. уехал за границу, и я закончил университет русистом.

¹ В автобиографии 1952 года информация о родителях расширена: «Родители — фармацевты (отец — провизор, мать — аптекарский помощник). В 1904–1919 имели в Харькове (куда семья переехала в конце 1904 г.) аптекарский магазин; до 1904 года и с 1915 г. отец служил по специализации. В ноябре 1941 г. родители и сестра с дочкой, вынужденные остаться в Харькове, были убиты немецко-фашистскими мерзавцами» (Л. 25 об.). 26 марта 1973 года С. М. Вяземский законспектировал выступление Айзенштока в Секции библиофилов Ленинградского общества коллекционеров под названием «Книжники двадцатых годов», см. в этой записи: «В 1913 году с отцом я ездил в Лондон. Исаак Бор. Влад. Шкловский, мой дядя по матери, жил там, писал под псевдонимом “Дионео” в “Русских ведомостях”» (ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 59. Л. 80). Странная последовательность «Исаак Бор.» продиктована тем, что Вяземский контаминирует имена братьев Исаака и Бориса Шкловских, из которых лондонским Дионео был первый.

² См. в диссертации, основанной на архивном собрании С. А. Венгерова: «В 1910-е гг. И. Я. Айзеншток, будучи еще очень молодым человеком, активно содействовал приумножению венгерского архива, обеспечив его биобиблиографическими сведениями о писателе, педагоге С. Л. Геевском, инженере-технологе А. М. Гинзбурге, докторе медицины М. Д. Гинзбурге, священнике В. Г. Фотиеве, протоиерее С. И. Антоновском, краеведе, библиографе Г. С. Чирикове. Несомненно, добровольное и бескорыстное сотрудничество с Венгеровым отвечало рано определившимся профессиональным устремлениям Айзенштока. Возможно, именно знакомство с ученым и освоение библиографии в дальнейшем привели юного корреспондента к серьезным филологическим занятиям» (Конусова 2016: 23).

³ См. в записи С. М. Вяземского: «В Харьковскую Дух. Семинарию поступила библиотека Стефана Яворского, а к Яворскому поступила библиотека Симеона Полоцкого. Книги лежали навалом выше человеческого роста. Многие попали ко мне, вывезли несколько возов. Монах при Петлюре требовал вернуть, но кое-что он мне оставил» (ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 59. Л. 80). См. также в записках Вяземского недатированный конспект выступления Айзенштока о харьковских почитателях Шевченко: «Айзеншток: меня П. В. Жур назвал основоположником Советского шевченковедения. 25, а чаще 26 февр. украинская “громада” собиралась чествовать память Шевченко, начиналось с панихиды в Казанском соборе. Вечером, на частной квартире, в общественном собрании, читался реферат (т. е. доклад). Назывались они “вечеринками”, а не вечерами. 26.2.1921 украинское правительство установило 11 марта (неудачно перевели на новый стиль) “день празднования смерти Шевченко”. (Жур с места: термин “шевченковедение” вы установили)» (Там же. Л. 79).

Наибольшее воздействие на меня имело в университете общение с А. И. Белецким⁴. Он руководил нашими, — моими и моих сверстников, — методологическими поисками⁵, он привил мне интерес к историко-литературным разысканиям, архивным, в частности. По его совету, я принялся за научное описание рукописей библиотеки Харьковского университета и сразу же обнаружил хранящиеся там неизвестные рукописи И. Котляревского, Г. Квитки, Т. Шевченко, Н. Щербины и др. Эти «открытия» в большой степени определили тематику и характер моих научных интересов на много лет; они же дали повод для первых моих выступлений в печати (1917).

В связи с обнаруженными мной автографами Н. Ф. Щербины, Н. Ф. Сумцов объявил тему медальной работы «Жизнь и творчество Щербины» и затем содействовал награждению моей работы золотой медалью (символической). В мае 1919 г. и в сентябре-октябре 1920 г. я ездил в командировки в Москву⁶ и Петербург⁷, и Н. Ф. Сумцов снабжал меня очень сочувственными рекомендациями А. А. Шахматову, С. А. Венгеру, Н. А. Янчуку, В. И. Срезневскому, — эти рекомендации помогли мне завязать первые научные контакты.

⁴ В 1959 году, отзываясь на подаренное ему издание И. Анненского в «Библиотеке поэта», Айзеншток писал А. В. Федорову: «Я — давний почитатель Анненского: еще в 1918–1919 гг. А. И. Белецкий познакомил меня с “Тихими песнями”, а несколько позже я прочитал Эврипида, и в подлинном виде, и в интерпретации Ф. Ф. Зелинского. С наслаждением и взахлеб прочитал я сейчас Ваше издание, и спешу поздравить Вас с очень добротной и необычайно содержательной работой» (ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 185. Л. 1). В 1968 году схожим образом отзывался Айзеншток в письме к В. Е. Шору о томе *Фантастические повести* в «Литературных памятниках»: «“Замок Отранто” прочитал с громадным удовольствием (Казота и “Ватека” давно уже знал), тем большим, что не раз слышал о нем от А. И. Белецкого — с всяческими похвалами. Отрывки Вашего прекрасного перевода (сужу по тому, как легко и естественно он читается) я слышал дважды, но с тем большим удовольствием перечитал его: это несомненная и, притом, большая удача Ваша» (ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 227. Л. 3).

⁵ Об этом см. подробнее: (Бабак, Дмитриев 2021: 142–158), а также указанную там литературу.

⁶ См. в записи С. М. Вяземского: «В 1919 я поехал в Москву, к Никл. Мих. Лисовскому, который сначала в Петерб., а потом в Москве впервые начал читать “Книговедение”. Он сказал: нужно резать, собирать вырезки и оттиски. Это я собираю до сего времени» (ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 59. Л. 80).

⁷ См. в записи С. М. Вяземского: «Осень 1920 в Питере. Пустой город. Автомобилей не было, не было и лошадей. Была “вридло” “врем. исполн. должность лошади”. Алдр. Серг. Поляков — зав. театральной библиотекой. На Фонтанке в Шеремет. доме также отобрал много журналов. Книжных магазинов, по существу, не существовало. Изд. “Петрополис” помещалось в квартире по Надеждинской ул. на той же улице продавалась библиотека Власа Дорошевича. На Бассейной в доме Литераторов обедал. Я привез рукописи Чапыгина из Харькова, где он жил, для передачи Горькому. Стеллажи у Горького расположены перпендикулярно к стенке, его голова виднелась над стеллажами» (Там же). Аббревиатура «вридло» («советские рикши») упоминается в текстах о послереволюционной поре (Н. В. Яковлев, С. И. Карцевский), а затем эта реалия, вместе со словом, стала частью лагерного мира и текстов о нем (Д. С. Лихачев, А. И. Солженицын). См. также записную книжку директора Пушкинского Дома за 20 сентября 1920 года: «В Пушк<инском> Доме б<ыл> Иеремия Яковл<евич> Айзеншток, студ<ент> Харьк<овского> унив<ерситета> —

В университете много внимания отдавал изучению языков. Немецкий и французский знал по средней школе. Там же самостоятельно занимался латынью, — специальный экзамен сдавал для поступления в университет. Используя знание латыни, изучил итальянский, а в университете занимался английским. О славянских языках упоминал выше. В 1918 г. довольно внимательно занимался с И. М. Энделлином литовским и латышским языками⁸.

Работать начал с пятого класса: репетировал своих товарищей. Позднее имел много уроков по латинскому языку. В 1917–1920 гг. был секретарем Народного университета, организованного в Харькове; в мае 1919 г. был командирован в Москву — на Второй Всероссийский съезд по внешкольному образованию, где дважды слышал выступления В. И. Ленина⁹.

В 1920–1922 гг. работал «ученым редактором» Редакционного комитета по изданию сочинений А. А. Потебни при Наркомпросе УССР. Еще в конце 1916 г. я познакомился со вдовой Потебни, Марией Францовной, стал ее посещать и, в конце концов, уговорил ее передать весь архив ученого в Харьковский Исторический архив. Для запроецированного и отчасти начатого издания полного собрания сочинений Потебни я составил общий его план, принимал участие в подготовке нескольких томов, специально готовил переписку ученого, начал писать его биографию; несколько глав из нее напечатал в научных журналах и сборниках, несколько глав остались в рукописи¹⁰.

В декабре 1921 г. я закончил университет, называвшийся тогда уже ХИНО (Институт народного образования); кончали мы, впрочем, еще по «старым» университетским программам. В начале 1922 г. был зачислен в аспирантуру только что созданной Научно-исследовательской кафедры европейской культуры, по секции истории литературы (руководитель А. И. Белецкий). Вскоре секция была преобразована в особую кафедру, просуществовавшую до 1930 г., когда она вошла в состав Института Тараса Шевченко. Все годы существования секции и кафедры я был ее секретарем.

В аспирантские годы (1922–1925) занимался вопросами методологическими, объединявшими всех членов кафедры. В качестве специальной темы избрал русско-украинские литературные связи XIX века. Однако наибольшее внимание уделял изучению украинской литературы, часто выступая в журналах и газетах со статьями и рецензиями, как историк литературы и литературный критик.

занимающий<ся> историей малорусск<ой> литер<атуры>. Дал ему арх<ив> Корсуна» (Модзалевский 2005: 18).

⁸ Об Энделлине см.: (Захаркин 2003: 79). Уже в старости (1976 г.) заполняя карточку для Союза Писателей Айзеншток указал, что знает украинский, белорусский, немецкий, чешский, сербский, французский и польский языки (Л. 1).

⁹ На самом деле речь идет о Первом Всероссийском съезде по внешкольному образованию. Неточность отмечена в: (Захаркин 2003: 81).

¹⁰ Об Айзенштоке как исследователе Потебни существует специальная работа: (Гальченко 1991).

В эти же годы началось для меня углубленное изучение литературного наследия Т. Шевченко. Сначала опубликовал два-три найденных мною неизвестных письма поэта. Потом написал несколько статей о необходимости научных изданий классиков украинской литературы, о крайней субъективности и ненаучности существующих изданий произведений Шевченко. Одна из этих статей вышла даже отдельной брошюрой, под названием «Шевченкознавство — сучасна проблема» (1922), и прозвучала как своеобразная декларация. Как результат этой брошюры, мне было поручено подготовить издание поэтического наследия Шевченко — Государственным Издательством Украины (ДВУ, 1925 и ряд последующих изданий, всего, кажется, пять или шесть, до 1932 года). Для этого издания я подготовил все тексты, а мой напарник, М. А. Плевако, сделал для него примечания, до тех пор в изданиях «Кобзаря» Шевченковского почти начисто отсутствовавшие. Наше издание было первой попыткой в советское время отойти от текстового «канона», созданного в 1905–1907 гг. В. Доманицким, повторявшегося затем в продолжение двадцати лет, несмотря на очевидные свои недостатки.

Одновременно с «Поезіями» Шевченко вышел подготовленный мною «Дневник» Шевченко (1925), первое полное и обстоятельно комментированное его издание, без цензурных пропусков. Сейчас это издание не может считаться удовлетворительным (прежде всего для меня самого) — из-за ряда неточностей и огрехов, вольных и невольных, однако при своем появлении в свет книга была встречена многими положительными откликами, включая и очень похвальный отзыв М. Горького — в письме ко мне¹¹. Всеукраинский Комитет содействия ученым (ВУКСУ) присудил мне премию за 1925 год.

В апреле 1925 г. я закончил аспирантуру и защитил «промоционную», как тогда говорили, работу: «Украина в поэтике русского романтизма»; мне было присуждено звание научного сотрудника кафедры, — ученых степеней и званий тогда еще не существовало, они были введены в СССР десять лет спустя. Успешная защита была отмечена Наркомпросом УССР заграничной командировкой — в Германию, Чехословакию, Австрию (Берлин, Лейпциг, Галле, Прага, Вена). Работал в библиотеках, читал литературоведческие журналы (преимущественно немецкие) и монографии, от которых мы были оторваны на протяжении более десятка лет, слушал лекции по вопросам текстологии и «эдиционной техники», совершенствовался в немецком и отчасти чешском языках.

Еще в бытность свою аспирантом начал научно-педагогическую работу: по поручению кафедры вел занятия со студентами ИНО, проводил семинары по технике историко-литературного исследования — с молодыми аспирантами. В конце 1924 года был приглашен Упрнаукою Нар-

¹¹ Письмо Горького опубликовано в: (Айзеншток 2003: 55–56). Там же см. подборку отзывов об издании, в том числе с указанием на недосмотры комментатора.

компроса УССР в состав комитета по организации в Харькове Научно-исследовательского института Тараса Шевченко — отчасти по образцу Пушкинского дома в Ленинграде. Был секретарем Оргкомитета, а с марта 1926 г. — ученым секретарем Института. Директором Института был назначен Д. И. Багалея, его заместителем — поэт С. В. Пилипенко. В руководстве Института пробыл пять лет — до апреля 1931 года.

Кроме работы организационной, много внимания уделял созданию библиотеки Института и собрания рукописей; в последнее отдал и собственную небольшую коллекцию автографов украинских писателей (Т. Шевченко, П. Кулиш, И. Манжура, Я. Щоголев и др.). Когда, в 1929–1931 гг., при Институте образовалась довольно значительная аспирантура, принимал участие в работе с аспирантами, читал для них лекции и вел семинары.

Особенно плодотворной была во второй половине 20-х годов моя научная работа. Часто выступал в печати — со статьями, публикациями, рецензиями. Готовил научные издания произведений классиков украинской литературы: П. Гулака-Артемовского (в 1926–1930 гг. вышли три издания; значительно позднее, в 1954 и 1960 гг. вышло еще два издания), Г. Квитки-Основьяненко (подготовил двенадцатитомное издание, из которого вышла в свет тт. 1–3, 5, 7, 9), И. Котляревского («Енеїда», два издания), И. Манжуры. Для Государственного издательства Украины подготовил также три тома «Украинских пропилеев», собрание произведений «второстепенных» украинских поэтов, прозаиков и драматургов первой половины XIX столетия; из них увидел свет только первый том, остальные два залегли в издательстве. Ко всем перечисленным изданиям были написаны большие вступительные статьи, обширные примечания¹².

В 1931 г. оставил работу в Институте Тараса Шевченко: сперва, для укрепления партийного руководства, я был освобожден от обязанностей ученого секретаря, затем — обиделся и ушел из Института вовсе, перейдя на работу в Партиздат ЦК КП(б)У¹³. Здесь пробыл до мая 1934 года. По поручению Партиздата перевел на украинский язык известный в то время

¹² См. в другой автобиографии о работах этого периода пассаж, адаптирующий ранние работы Айзенштока к партийному курсу: «Во всех этих работах в очень значительной степени использован материал русской литературы, так что их можно рассматривать как продолжение и развитие той же темы о русско-украинских отношениях; упомяну об этом потому, что подобное расширение и распространение изучаемых материалов неоднократно ставилось мне в минус как тогдашними руководителями научного фронта и института, так и частью критики» (Л. 28 об.).

¹³ В другой автобиографии Айзеншток комментирует подробнее: «По возвращении из-за границы был назначен ученым секретарем Института Т. Шевченко в Харькове и пробыл в этой должности пять лет. В апреле 1931 года отошел от работы в Институте, вследствие происков тогдашнего руководства, которое два года спустя было разоблачено как гнездо националистов» (Л. 5), также см.: «В апреле 1931 года оставил работу в Институте Шевченко вследствие невозможных для работы условий, созданных тогдашним руководством Института, впоследствии разоблаченными, как националисты — враги народа и вредители на культурном фронте» (Л. 28 об.).

учебник диалектического материализма Митина и Разумовского и сопроводил примечаниями украинский перевод «Записок» декабриста И. И. Горбачевского. Кроме того, готовил для издательства большой сборник архивных и мемуарных материалов «Декабристы на Украине» и трехтомный сборник архивных материалов Кирилло-Мефодиевского общества, по московским, ленинградским и киевским материалам. Последние две работы не увидели света, так как издательство прекратило выпуск исторических книг. Для кооперативного харьковского издательства «Рух» я подготовил романы В. Нарезного «Два Ивана» и «Гаркуша» (последний — впервые, по рукописи), а также «Воспоминания М. Драгоманова» (20 лл.) и «Неопубликованные письма П. Кулиша» (40 лл.). Последние две книги остались неизданными — за прекращением деятельности издательства, в 1933 году. К сожалению, с бумагой в те времена было очень туго, лишних экземпляров для себя не оставлял и работы мои, не увидевшие света, сохранились у меня лишь фрагментарно, в лучшем случае — в корректурных оттисках («Декабристы на Украине»).

В начале 1934 г. мои ленинградские друзья-литературоведы пригласили меня переехать в Ленинград, для работы в Институте русской литературы Академии наук СССР (Пушкинском доме) в качестве «ученого специалиста», — так тогда называлась высшая категория научных работников в учреждениях системы Академии наук. Я принял это предложение, несмотря на многие трудности, связанные с его осуществлением, трудности, которые удалось преодолеть лишь с течением времени (главной трудностью оказался обмен квартиры — Харьков на Ленинград — и переселение в Ленинград моей семьи и большой библиотеки; это удалось осуществить только в сентябре 1937 года)¹⁴.

¹⁴ Переезд Айзенштока в Ленинград — один из ключевых моментов его биографии, поэтому стоит посвятить ему отдельное внимание, тем более что дополнительные источники заметно усложняют картину, которую предлагает сам ученый. Прежде всего, процитируем источник, который, насколько нам известно, до сих пор не упоминался в литературе об Айзенштоке — мемуарную книгу В. Э. Спроге *Записки инженера*: «Правление треста согласилось на мое условие, и я вернулся в Харьков для организации переезда из Ленинграда. Мне очень повезло с квартирой. На мои публикации об обмене отозвался некий украинский писатель с фамилией, украинское происхождение которой вызывало некоторое сомнение. Его звали Ярема Айзеншток. Он предложил мне свои три комнаты в большой четырехкомнатной квартире в доме писателей, расположенном в нагорном районе города. Домом писателей оказалось большое пятиэтажное здание с шестью подъездами. В нем размещалось, таким образом, 60 квартир. Каждая имела кухню, ванную и службы. Во всех квартирах были большие балконы с выходом из эркера. Центральное отопление, солярий на крыше, мраморные лестницы, обширный декоративный цветник и даже, как мы потом смеялись, “дырка для лифта”. Лифт так и остался несмонтированным. Все это представляло верх комфорта, который в то время можно было видеть в стране торжествующего пролетариата. <...> Дом также служил в целях пропаганды — демонстрировался иностранным делегациям, которым показывали, как комфортабельно в Советском Союзе проживают “инженеры человеческих душ”. Какие были заслуги на поприще литературы у этих писателей, мне неизвестно. Дом заселили во время свирепствовавшей тогда советской украинизации, а мое знакомство с советской и украинской литературой, и притом украинской, было, признаюсь, более чем скудно. Мне сообщили потом, что тут жили не только писа-

В Ленинград я переехал осенью 1934 года: несколько месяцев до переезда я потратил на подготовку для издательства «Academia» «Автобио-

тели, но и художники, режиссеры и другие служители искусств. Айзеншток готов был обменять свою квартиру на мою, гораздо более скромную, в Ленинграде. Он страшно торопился с обменом, предлагая весьма выгодные для меня условия. Он передавал все свои права на квартиру в доме писателей, включая право на уплаченный им пай, обменивая их на мои права на ленинградскую квартиру в национализированном доме. Была, правда, одна зацепка в этом обмене: моя квартира была абсолютно изолирована, в то время как Айзенштоку принадлежали только три комнаты. В четвертой проживал еще какой-то писатель, находившийся в отъезде. Своего будущего сожителя я совсем не видел и не знал. Это меня сильно смущало, но Айзеншток торопил и нажимал. Наконец я согласился, так как других предложений не было, а мне тоже хотелось покончить с этим делом. Вскоре я узнал, что писатель, живший в четвертой комнате, не вернется. <...> Загадка нашего успешного обмена квартирами с Айзенштоком скоро стала мне понятной. Не проходило и ночи, чтобы наш дом не посещал черный “ворон”. Сначала слышался шум мотора, потом тяжелые шаги по лестнице, хлопанье дверями, иногда крик. Мы вскакивали с постели, выглядывали из-за гардин. Слушали, не идут ли к нам. Общее направление кампании указывало в сторону украинских коммунистов и их присных. Наш дом был переполнен этой публикой. Мне стало теперь понятно, почему так рвался и спешил в Ленинград Айзеншток и куда делся писатель из четвертой комнаты в нашей квартире» (Спроге 1999: 486–487, 492). Сам Айзеншток так изложил историю переезда в автобиографии 1952 года: «В январе 1934 г., на XII съезде КП(б)У, было принято постановление о переводе столицы УССР из Харькова в Киев. Так как в издательстве предстоял переезд из Харькова, я решил воспользоваться давними многократными предложениями товарищей-литературоведов перебраться в Ленинград. Окончательно переехал в Ленинград в сентябре 1934 г., поступив на работу (ученым специалистом) в Институт литературы Академии наук СССР. К сожалению, личные бытовые условия (невозможность в течение ряда лет обменять харьковскую квартиру и перевезти в Ленинград семью и большую библиотеку, некоторые неурядицы семейного порядка и т. п.) и неблагоприятная обстановка в самом институте тех лет, — все это не способствовало продуктивной научной и литературной работе. В октябре 1936 г. оставил работу в Институте и перешел целиком на литературную работу. Литератором-профессионалом считаю себя примерно с 1926 года, т. к. с того времени, мой литературный заработок сделался основной бюджет» (Л. 26). Глухое упоминание «семейных неурядиц» заставляет обратиться к документу, достоверность которого требует дополнительной проверки по материалам как партийного архива, так и личного собрания Айзенштока. Речь идет о написанном в начале 1953 года заявлении Нины Севастьяновны Ткаченко, жительницы станции Казачья Лопань Харьковской области. По сути, это донос на Айзенштока, который не противоречит известным фактам его биографии, но расширяет их в той «серой зоне», которая обычно недоступна исследователям, работающим с официальными документами. К сожалению, другое дело Айзенштока из ЦГАИПД СПб в настоящий момент не выдается исследователям, поэтому, не имея возможности проверить детали, мы все-таки воспроизводим фрагменты доноса, предупреждая читателя о том, что излагаемые факты тенденциозно преувеличены и даны в худшем для филолога свете. Возможно, дальнейшая разработка темы позволит посвятить этому сюжету более полную публикацию: «В г. Ленинграде по Мичуринской ул. 7 проживает Иеремия Яковлевич Айзеншток, член партии с 1943–44 г. Профессор. На учете состоит в первичной парторганизации Союза Советских писателей (Дзержинский РКПП). У Айзенштока имеется сын лет 24-х — 25-ти от законного брака. Есть у него и дочь от незаконного брака — Елизавета, девушка 17ти с половиной лет, на которую он платит алименты в течении семнадцати лет (с “перерывами”) и которую он “не удосужился” повидать за всю ее жизнь ни разу. Айзеншток искалечил мне жизнь, но тут уж я сама виновата (нечего было связываться с подлецом), а вот девочку он, свою дочь, оставил сиротой при живом отце. <...> В 1935 г. когда родилась моя дочь, он вздумал снова сойтись со своей женой и вышвырнул меня с полугодовалым ребенком, оставив больную, без работы, без квартиры, без копейки денег. <...> Айзеншток тем временем ездил к предателю Каменеву на поклон с нижайшей просьбой дать ему

графии» Н. И. Костомарова, с приложением других его воспоминаний, писем и огромных примечаний (16 лл.), для которых использовал много

работенку в городе Ленинграде. Может быть, Каменев и не обратил бы на него внимания, да у Айзенштока есть двоюродный брат по отцу, он же идейный руководитель Айзенштока — Виктор Шкловский, писатель (кстати он же руководитель московских космополитов). В. Шкловский добился у Каменева назначения Айзенштока в ИРЛИ (г. Ленинград). Тут то и “расцвел” талант Айзенштока. Мелкий жулик, воришка стал старшим научным сотрудником ИРЛИ. Бездарнейший критик и литературовед, не написавший и не высказавший ни одной оригинальной мысли, Айзеншток, получил полную поддержку у Оксмана, руководителя ИРЛИ. А Айзеншток до того распоясался, что стал подтирать текст великого русского писателя Гоголя! (Лит. газета (Москва) № 5 за 10/1 52 г., статья Слонимского). Отношения Айзенштока с Оксманом были настолько тесные, что мою жалобу Оксман на укрывательство в выплате алиментов Айзенштоком, Оксман не только оставил без ответа, но и передал ее Айзенштоку. А Айзеншток не замедлил мне цинично написать, что и в дальнейшем та же участь постигнет мои жалобы. В 1947 г. Айзеншток начинает работать в университете им. Жданова, в качестве преподавателя. Жулик, воришка, злостный алиментщик, Айзеншток, бросивший на произвол своего ребенка, стал воспитателем молодежи. Он проповедует гуманность, честность, правдивость, воспитывает в коммунистическом духе молодое поколение. Простите, но это похоже на насмешку. Чему же он научит? Молодых людей будут учить дурачить женщин, а когда у них родятся дети, то научат как скрываться от уплаты алиментов? Как бросать своих детей? Как подделывать подписи? Само собой ясно, что партия всего этого не знает. Да, чуть не забыла. Не знаю как Айзеншток указал свое происхождение в партийной документации. Отец его, Яков Саввич Айзеншток, в б. Екатеринославле имел с компаньоном (фамилии не знаю) евреем, собственную аптеку. Семья жила настолько богато, что И. Я. Айзенштока и его сестру Анну Яковлевну воспитывали гувернантки. Но вот грянула Революция, аптека была национализирована, старый Айзеншток переехал в г. Харьков, где учился и И. Я., и поступил в Аптекоуправление работать продавцом. Таким образом, он сделался служащим, а не собственником. Это мне рассказывал сам Айзеншток И. Я. Вы спросите, чего же я хочу, чего добиваюсь своим заявлением. Хочу знать, может ли такой человек быть воспитателем, может ли он безнаказанно и дальше жульничать» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 78. Д. 48. Л. 10–15). В качестве комментария стоит добавить, что Каменев действительно выступал в качестве покровителя формалистов (см., напр.: Галушкин 1992: 215), здесь прямо упоминается групповая встреча формалистов с Каменевым в 1934 году). В упоминаемой статье Слонимского речь идет о спорных текстологических решениях полного собрания сочинений Гоголя. Об Айзенштоке говорится как о редакторе *Тараса Бульбы*, Ткаченко цепляется за слова: «В чем же дело? Оказывается, мы читаем получерновой, притом неполный автограф. Вся позднейшая поправка Гоголя старательно счищена, но зато заботливо воспроизведены все недосмотры и описки его рукописи» (Слонимский 1953: 3). Стоит отметить, что автор статьи в духе позднесталинского колониализма подчеркивает идеологическую важность именно второй редакции *Тараса Бульбы*: «Если прежде это была чисто украинская повесть, изображавшая героическую украинскую старину, то теперь она приобрела общерусский размах. В основу всей повести легло сознание кровного братства обоих народов и общности их исторических судеб» (Там же), именно поэтому, по его мнению, некорректно воспроизведение ранних автографов. Наконец, нужно сказать, что донос оказался действенным: согласно вложенной в дело справке, «Факты, изложенные в письмах тов. Ткаченко, подтвердились» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 78. Д. 48. Л. 17), вследствие чего Айзеншток был исключен из партии. Возможно, с этим же связаны жалобы на безденежье, встречающиеся в письмах Айзенштока 1950-х годов. Как отголосок этой истории можно воспринять фразу из письма Ю. Г. Оксмана к М. К. Азадовскому от 8 апреля 1953 года: «Но, м. б., Беркова все-таки оставят сейчас в покое, да и Иеремею простят!» (Азадовский 1998: 316). Впрочем, судя по всему, вскоре филолог был восстановлен в партии и даже допущен к работе партбюро, а уже 12 июня 1953 года Азадовский писал Оксману: «Говорят, <Н. Ф. Бельчиков> зовет в штат <ИРЛИ> Еремея, но тот не хочет» (Там же: 324). Все это лишь подчеркивает необходимость более тщательного исследования эпизода.

архивных и рукописных материалов. Книга дошла до верстки, но в свет не вышла, так как издательство было слито с ГИХЛ'ом, а моя книга имела не литературный, но исторический характер.

Переезд в Ленинград дал лично мне очень много! Я попал в окружение замечательных товарищей-литературоведов, самое общение с которыми безмерно расширяло научные горизонты, обогащало громадными и разнообразными знаниями¹⁵. С самого начала я принял ближайшее участие в большом академическом издании сочинений Гоголя, непосредственно содействовал появлению томов I–III, IX, X (творчеством Гоголя занялся еще в Харькове и не оставляю этих занятий до сегодня). Забегая вперед, скажу, что работу над подготовкой академических изданий русских классиков продолжал и позже, продолжаю ее и по сейчас. Так, единолично подготовил т. VI сочинений Г. Успенского, принимал участие в подготовке т. XII, рецензировал тт. XIII–XIV. Редактировал тт. 9, 11, 12 (2) писем Тургенева и несколько томов рецензировал. Рецензировал тт. 1 и 12 сочинений Достоевского.

С переездом в Ленинград у меня установилась связь с «Библиотекой поэта». В разные годы я участвовал в ряде изданий «Библиотеки» (ее «большой» и «малой» серий) как составитель, автор вступительных статей, комментатор: Щербина (м. с.), Шевченко (б. с., изд. 1–2, м. с. изд. 1–2), И. Франко (м. с.), И. Котляревский (б. с.), Янка Купала (б. с.), Л. Трефолев (б. с., изд. 1–2 и м. с., изд. 1–2). В настоящее время у меня есть договор на подготовку тома «Украинская поэзия XIX–XX ст.» (б. с.), но редакция «Библиотеки поэта», вот уже пятый год, тормозит реализацию этого договора, — по непонятным для меня причинам.

Ряд публикаций, — больших и малых, — сделан мною для «Литературного наследства»: «Судьба литературного наследия Т. Шевченко» (5 лл., тт. 19–21), «Письма К. П. Победоносцева к Е. М. Феоктистову» (8 лл., тт. 22–24), «Французская литература в оценках царской цензуры» (11 лл., тт. 33–34), сборник украинских исторических песен в записях Гоголя, из собрания П. Киреевского (6 лл., т. 79). В ряде томов — менее объемные публикации.

Начиная с 1938 года возобновились мои связи с Украиной: А. Корнейчук и Н. Бажан пригласили меня участвовать в подготовке 125-летия рождения Шевченко. Консультировал государственную шевченковскую выставку в Киеве, был одним из организаторов Шевченковского юбилея в Ленинграде, выступал с лекциями и докладами о Шевченко в Киеве, Харькове, Чернигове, Ленинграде, Петрозаводске и других городах. Участвовал

¹⁵ О работе в Пушкинском Доме см. справочник *Научные сотрудники Пушкинского Дома. 1905–2005*: «В ИРЛИ сначала работал учен. специалистом в Архиве, с 15 окт. 1935 был переведен в Отдел новой литературы, где занимался подгот. ПСС Н. В. Гоголя в 14 т. Т. 1 (М.; Л., 1940). В окт. 1935 на заседании Президиума АН СССР был утвержден в степени канд. литературоведения без защиты дисс. 14 марта 1936 назначен секр. Группы по изучению литературы 2-й пол. XIX в. Был уволен из ИРЛИ в связи с реорганизацией Отдела новой литературы и с 1 сент. переведен на договорную работу» (*Научные сотрудники 2005*: 395).

в Шевченковском пленуме Союза писателей СССР, в Киеве. Тогда же написал книгу «В лаборатории творчества Шевченко» — для «Советского писателя» в Москве и «Радянського письменника» в Киеве. Украинский вариант вышел перед самой войной, в мае 1941 г., печатанье русского варианта было прервано начавшейся Отечественной войной.

В последние предвоенные годы (1938–1941) преподавал в Киевском университете, не оставляя Ленинграда. Наезжая в Киев на полтора-два месяца, я прочитывал большие спецкурсы: «Творчество Ивана Франко» (читал одновременно для двух курсов), «История украинской литературной критики», «Творчество Г. Квитки-Основьяненко», «Техника историко-литературного исследования». В последний мой приезд (ноябрь 1940 г. — январь 1941 г.) шла речь о моем возвращении на Украину, в Киев, — о работе в Академии наук УССР и в Киевском университете. Война перечеркнула эти планы...

С первых же дней Великой Отечественной войны я оказался в армии, на фронте. Еще в 1940 г, после Финской кампании, вместе с другими ленинградскими писателями, я прошел военную аттестацию и — неожиданно для себя! — получил звание «интендант 1 ранга», т. е. по тем временам — звание нестроевого полковника. Однако в Первой, Кировской, дивизии народного ополчения, куда я записался в первые дни июля, я сперва был рядовым, несмотря на свои три «шпалы», — рядовым «взвода писателей», или иначе — агитвзвода. Постепенно стал «расти»: причисленный к политической полка, числился полковым переводчиком. В январе 1942 г. был принят кандидатом в члены ВКП(б) и две недели спустя переведен в политотдел дивизии, — старшим инструктором по работе среди войск противника. Спустя три месяца был принят в члены Партии; этим очень горжусь, так как укороченный кандидатский штат свидетельствует, что я воевал пристойно и непосредственно участвовал в боях, несмотря на свои 42 года и отсутствие какого бы то ни было войскового опыта. На следующий же день после получения партийного билета, меня отозвали в Политотдел армии и назначили начальником 7-го отделения ПОАРМ, т. е. отделения по работе среди войск противника. Пробыл на этой должности около полутора лет, затем был ранен и, не желая покидать свою армию, упросил командование назначить меня замполитом госпиталя, в каковой должности пробыл до конца 1944 года. После взятия Риги, армии 3-го Прибалтийского фронта стали расформировываться, и я был отозван в ГЛАВПУР за новым назначением. После почти двухмесячных переговоров (меня «сватали» куда-нибудь в тыловые части, с чем я решительно не соглашался), получил назначение в Восточную Пруссию, на 3-й Белорусский фронт. Так как должностей лекторов вакантных не было, так как война явно шла к концу и пребывание в резерве мне никак не улыбалось, я согласился принять назначение старшим инструктором по пропаганде стрелковой дивизии и попал под Кенигсберг. Спустя две недели, за участие в ликвидации группировки войск противника западнее Кенигсберга, был награжден орденом Отечественной

войны 1-ой степени (в «своей» армии был награжден орденом Красной звезды). Участвовал, в последние дни войны, в ликвидации группировки фельдмаршала Шернера, т. е. наступал с севера в Чехословакию и дошел до Праги. После капитуляции фашистских армий был направлен в Центральную группу войск (Вена), где около года дожидался своей демобилизации, весьма усердно выступая с лекциями и докладами в частях и гарнизонах Советской армии (Австрия, Венгрия, Чехословакия). Всего за время нахождения в армии (1941–1946 гг.) сделал более тысячи выступлений. В свободное время занимался в венской Национальной библиотеке, исподволь готовясь к возвращению к научной деятельности¹⁶.

¹⁶ См. в другой автобиографии: «С Красной Армией прошел весь путь от Ленинграда и Волхова до Дуная, через Прибалтику, Восточную Пруссию, Силезию, Чехо-Словакию. Последние месяцы находился подле Вены, выступая с литературными лекциями в частях и соединениях Центральной Группы войск. В научном отношении использовал это время для работы в венских библиотеках — Национальной и Семинара славянской филологии. Собрал обширный материал из старых галицко-украинских изданий по истории украинской литературы, которым и предполагаю воспользоваться в текущих своих работах — над диссертацией (необходимо привести ее в окончательный вид), над Франко, над темой «Художественная литература и фольклор» (на украинском материале)» (Л. 29 об.). Рабочая карточка Союза Писателей (Л. 25) позволяет детально реконструировать фронтную траекторию Айзенштока, а его письма к В. Ф. Боцяновскому — добавить к этой картине выразительные штрихи. (Эти письма хранятся в личном фонде Айзенштока: ОРФит ИЛ НАНУ. Ф. 182. Фонд находится в обработке, поэтому далее фрагменты из писем цитируются без указания источника. Публикатор выражает сердечную благодарность Богдану Цимбалу за помощь в работе с этими документами). С начала войны по сентябрь 1941-го Айзеншток служил рядовым на Ленинградском фронте, затем четыре месяца — переводчиком Стрелкового полка Ленинградско-Волховского фронта, после этого до июля 1942 года был старшим инструктором Политотдела дивизии на Волховском фронте, затем в том же политотделе почти полтора года (до октября 1943-го) он числился начальником отделения. Именно в это время он рассказывает о своей жизни Боцяновскому. 30 ноября 1942 года он пишет: «Недавно я провел интересный опыт: летал на самолете над вражеским расположением и разговаривал с фрицами через специальную мощную установку. Это — первый опыт подобного рода, и я получил даже приветственные телеграммы от командования с успехом»; 28 декабря: «В моей жизни теперешней наступила некоторая передышка. Я больше сижу за столом, за привычными занятиями почти научного характера (пишу доклады и записки, администрирую). На днях, впрочем, эта мирная жизнь оканчивается, и я снова начну дебоширить: собираюсь снова в полет, надеюсь иметь возможность не только агитировать и убеждать фрицев, но и бомбить их. Новый год собираемся встретить в тесной товарищеской семье, но как получится в действительности — неизвестно, обстановка у нас может измениться каждый час»; 8 января 1943-го: «Я не оставляю мысли приехать в Москву на несколько дней: очень хочется походить по настоящему городу, посмотреть на людей, побывать в театре и снова почувствовать себя вполне культурным человеком, имеющим некоторое отношение к искусству и литературе. Не знаю только, как и когда сие произойдет — все будет зависеть прежде всего от разворота событий, и если они развернутся у нас по-настоящему, я не буду в претензии на то, что мое посещение Москвы еще несколько затянется. Чувствую я себя вполне хорошо и бодро. Работая по-прежнему много, много разъезжаю, выступаю, бью немцев словом и сам и через товарищей»; 18 марта: «Чувствую себя по-прежнему хорошо, хотя работаю очень много и хлопотно. Часто летаю и понемногу овладеваю штурманским делом: это не по обязанности, а просто так — из чистой любознательности. Собираюсь слетать на день-два в Ленинград»; 6 июня: «У нас, правда, сейчас маленько поутихло, но развернулась широкая учеба. В частности, засел за учебу и я — в соответствии с новым строевым званием майора. Несколько дней я, с группой политработников, находился на учебных сборах, где занимался по десять

После демобилизации вернулся в Ленинград. Работал сперва в Научно-исследовательском институте театра и музыки (начал работу там еще перед войной), в Ленинградском университете (несколько лет пробыл на кафедре русской литературы, позднее — на кафедре славянских языков и литературы; связи с последней не теряю до сегодняшнего дня), возобновил отношения с Институтом литературы им. Т. Шевченко Академии наук УССР, Киевским университетом, Институтом русской литературы Академии наук СССР (как указывалось выше, редактировал и рецензировал издания Института, выступал в качестве официального оппонента на защитах диссертаций и т. д.)¹⁷.

В продолжение двадцати лет после своего возвращения в Ленинград (до второй половины 60-х гг.) живо участвовал в жизни Ленинградского отделения Союза писателей: неоднократно переизбирался членом партийного бюро, был культпропом, избирался членом Правления, много лет состоял членом Ревизионной комиссии. Пятнадцать лет был членом бюро и председателем секции художественного перевода, председателем Лавочной комиссии, имел много и других «нагрузок», — в отдельные годы их количество достигало десяти-двенадцати¹⁸. В последние годы принимаю

часов в день воинскими дисциплинами. Теперь перевариваю и осваиваю приобретенное, а в июне и июле, если позволят обстоятельства, пройду еще по крайней мере два подобных же сбора. Так что с войны я возвращусь вполне образованным и культурным (в военном плане) командиром. не помню, писал ли я Вам, что награжден правительственной наградой — орденом «Красная звезда». Недавно мне вручили орден в весьма торжественной обстановке. Я даже расчувствовался и выступил от всей группы награжденных с ответным словом. По правде говоря, выступление было далеко не Демосфеновское, но зато сказано оно было с чувством и темпераментом». С октября 1943-го по январь 1945-го Айзеншток проводит в должности замполита эвакуационного госпиталя на Волховском и Третьем Прибалтийском фронтах. С марта по июнь 1945 года он работает старшим агитатором в политотделе дивизии на Третьем Белорусском и Первом Германском фронтах. Наконец, после этого и вплоть до марта 1946 года он работает лектором политуправления ЦГВ в Австрии. В ходе войны он получил ряд наград: орден отечественной войны 1 степени, орден «Красная звезда», медали «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», «За взятие Кенигсберга», «За освобождение Праги» (Л. 1). См. письмо С. А. Рейсера к Ю. Г. Окману от 8 августа 1946 года: «Совсем недавно возвратился из армии Айзеншток: он политработник и весь в орденах и медалях» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Д. 818. Л. 3). О военном опыте Айзенштока см. также его письма к В. Б. Шкловскому, публикуемые в настоящем издании.

¹⁷ Также см. в автобиографии 1952 года: «В 1949–1950 гг. учился в вечернем Университете марксизма-ленинизма при Горкоме ВКП(б). В настоящее время повышаю свой идейно-теоретический уровень самостоятельно; участвую в семинаре по марксистско-ленинской философии при ЛО ССП» (Л. 26 об.).

¹⁸ Членству Айзенштока в ЛО СП СССР стоит уделить отдельное внимание. Он вступил в него в 1940 году, в деле сохранилось его приемное заявление, из которого становится ясно, что Союз Писателей был для него возможностью восстановить официальный статус после ухода из Пушкинского Дома: «В течение последнего года, отчасти в связи с подготовкой Шевченковского юбилея, я довольно близко подошел к работе Союза Сов. Писателей. Работу мою, как члена Шевченковского комитета, знают некоторые члены Президиума; по приглашению Украины я принимал участие в работе Шевченковского пленума в Киеве, получил юбилейную Шевченковскую медаль. В настоящее время предполагаю принимать близкое участие в мероприятиях Союза, связанных с событиями в Зап. Украине и Зап. Белоруссии. Хочу надеяться, что, будучи членом ССП я стану приносить некоторую пользу организации. Что же касается лично меня, то звание члена ССП окончательно

участие в работе Совета ветеранов войны, часто выступаю с докладами, воспоминаниями, провожу «уроки мужества», иногда — присутствую

но зафиксирует мое положение общественное и профессиональное, сложившееся в течение ряда лет» (Л. 7). Также в деле сохранились несколько рекомендаций, которые ему выдали коллеги, из них представляет интерес фрагмент характеристики И. Г. Ямпольского: «И. Я. Айзеншток — один из образованных и широких по своим интересам ленинградских литературоведов. В течение 24-х лет своей литературной работы (он начал ее еще совсем юношей), Айзеншток очень много сделал. <...> Большая эрудиция, тщательность, фактическая насыщенность, использование широкого круга не только печатных, но и архивных материалов, наконец, умение в статьях на частные темы и при использовании отдельных конкретных фактами — делать из них общие выводы, связывать их с общекультурным и историческим фоном — вот что характерно для его сочинений» (Л. 17). Интересен и отзыв, который мы атрибутируем В. Боцяновскому: «И. Я. Айзеншток — один из лучших наших шевченковедов, большой знаток украинской литературы, начал свою литературную деятельность в 1917 году. С этого года, собственно говоря, вообще ведет свое начало подлинно научное литературоведение на Украине. Дореволюционные литературное наследие находилось в таком состоянии, что, прежде чем приступить к его обработке, необходимо было произвести большую предварительную работу над текстами. Не говоря уже о литературных произведениях украинских классиков, таких как Котляревский, Квитка и др., даже сочинения великого украинского поэта Шевченко были известны в искаженном виде. Неотложной задачей было переиздание в исправленном виде авторов, искаженных, — сплошь и рядом нарочито, — тенденциозными псевдоучеными националистами. Айзеншток один из первых настоятельно заявил о неотложности такой работы и сам в нее включился, выступив в роли текстолога, редактора и комментатора произведений Шевченко, Котляревского, Квитки-Основьяненко, Гулака-Артемовского, Ив. Франко и др. Одновременно с этой работой, у него идет разностороннее изучение творчества этих писателей. В украинских и русских журналах появляется ряд критических статей, в которых он дает углубленную разработку собранного им и обследованного литературного материала. Не входя в подробный разбор всех его написанных за 22 года многочисленных статей, ограничусь только указанием на неизменно присущее всем им высокое качество: все эти статьи, независимо от их объема, строго фактичны. Айзеншток прекрасно знаком с литературой предмета. У него, о чем бы он не писал, всегда в распоряжении богатейший не только печатный, но и архивный материал. У него превосходная библиотека и картотека, все время пополняемая. Добросовестный исследователь, владеющий марксистским методом, Айзеншток относится к своей работе самокритически, и можно указать случаи, когда он вносит поправки в свои ранние работы, когда того требуют новые добытые им данные» (Л. 19). Сам Айзеншток писал в 1952 году: «В последние годы активно участвую в жизни Ленинградского отделения Союза советских писателей. С апреля 1950 года работаю культпропом парторганизации ЛО ССП, с марта 1951 по июнь 1952 член партбюро. Член бюро секции переводчиков (с марта 1951 г.; с марта 1952 года, кроме того, — зам. председателя). Председатель писательской комиссии при книжной лавке писателей Ленингр. отд. Литфонда (с 1949 г.). Неоднократно выполнял отдельные поручения общественных и партийных организаций» (Л. 26 об.). По этому же поводу см. в недатированной автобиографии: «Общественной работой занимался сравнительно мало. В студенческие годы (1921) был членом и председателем Харьковского Общественного комитета помощи голодающим, еще раньше — членом Совета университета по выборам от студенчества (1919). Во время работы в Институте Шевченко несколько раз избирался членом культкомиссии при месткоме, культуполномоченным и пр. В Партиздате был членом редколлегии многотиражки издательства. В Пушкинском доме, по поручению МК, систематически ведал работой диссертантов и дважды получал благодарность МК. По заданиям СНР неоднократно выступал с лекциями в частях Красной Армии, выезжал в другие военные округа. Последние предвоенные годы довольно плодотворно работал в писательских организациях, принимая активное участие в различных комиссиях (юбилейные — Шевченковская, Коцюбинского, Франко, национальная и пр.), консультируя товарищей и т. д.» (Л. 29). Юбилей 1939 года, который дал Айзенштоку основания для подачи заявления в ССП, отмечался в честь 125-летия Шевченко, см. о нем: (Короленко 2012).

на пионерских и комсомольских собраниях, в качестве некоего «свадебного генерала», во всех регалиях.

Из научно-литературных работ, выполненных за послевоенные десятилетия, помимо участия в серии академических изданий и в «Библиотеке поэта» (о них было упомянуто выше), следует назвать прежде всего три больших издания: 1) трехтомное издание «Дневника» А. В. Никитенко, с огромным, сорокалистным, комментаторским аппаратом; 2) комментирование двух пятитомников произведений Шевченко, осуществленных в Москве издательством «Художественная литература» (22 + 15 лл.); 3) подготовку и комментирование тома писем известного ученого-славяноведа В. Ягича к русским ученым, 1886–1894 гг. (50 лл.). Книга эта, готовившаяся по плану Комиссии по истории филологических наук Академии наук СССР, отняла четыре года с тремя поездками в Югославию для работы в архиве Ягича¹⁹.

Хотелось бы также упомянуть книжку «Поэт-демократ Л. Н. Трефолев», изданную в 1953 г. Ярославским областным издательством. Книга эта, вместе с четырьмя упомянутыми выше изданиями произведений Трефолева, можно сказать, ввела поэта в большую литературу, так, что статью о нем мне довелось написать и в десяти томную «Историю русской литературы» Академии наук СССР.

По заказу украинского издательства «Дніпро», опубликовал, в середине 60-х гг., большую (5 лл.) статью «Украинские поэты-романтики»; статья оказалась своего рода толчком для создания на ее основе большой монографии об украинском романтизме, которая должна включить в себя также несколько написанных в разные года статей. Монографию, размером примерно в 20 лл., надеюсь вскоре закончить.

¹⁹ В архиве отложились характеристики, выданные Айзенштоку Союзом Писателей для одобрения его поездок в Югославию: в мае-июле 1966 года (Л. 81), июне-июле 1967 года (Л. 82), мае-июле 1968 года (Л. 84), июле-августа 1972 года (Л. 85). 21 сентября 1967 года Айзеншток писал В. Е. Шору: «Я теперь как в затворе: никого не вижу и ни о ком ничего не знаю. Лето провел в Югославии и даже “покумился” там с одним замечательным семейством. Видимо придется и еще раз туда ехать, ибо жену мою, — против ее и моей воли — оставили на третий год» (ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 227. Л. 1). Также см. в письмах А. И. Дейча к А. Г. Островскому: «Айзеншток промелькнул, как Вы знаете, через Москву, причем с ним там произошло два-три недоразумения. Отвез вещи не на тот вокзал и забыл ключ от чемодана. Теперь приходится сомневаться, что он доехал до Загреба и Дубровника. Не сидит ли он случайно в Жмеринке или Вапнярке, где расплавляется динарами» (РГАЛИ. Ф. 2837. Оп. 1. Д. 362. Л. 6; письмо от 5 июля 1966), «Айзеншток в Югославии сместил Ранковича и Стефановича и вообще проводит реформы» (Там же. Л. 6; письмо от 26 июля 1966 г.), «Сегодня проводили Айзеншточиху в Югославию. Она у нас жила два дня и внесла немалое оживление в наш и без того нескудный дом» (Там же. Л. 8; письмо от 28 сентября 1966), «... без Вас Ленинград все равно, что без Медного всадника и Айзенштока. От него получаем иеремиады по поводу диссонансов в нашем мире, и в его хозяйстве в частности. Разъезжая между СССР и Югославией, он никак не может встретиться с Ириной Владимировной и т. д.» (Там же. Л. 15; письмо от 9 августа 1968 г.). Ирина Владимировна Арбузова — третья жена Айзенштока, соавтор его статей про Ягича, о ней см.: (Захаркин 2003: 102).

Печататься я начал, как сказано, в 1917 году. За прошедшие с тех пор годы мною опубликовано около шестисот печатных работ. Кроме того, еще десятка два работ, иногда весьма объемных, по разным причинам, остались в рукописях, точнее — в машинописном виде. Кроме упомянутых выше, назову еще несколько неопубликованных пока работ, наиболее значительных. Прежде всего хотелось бы назвать большой том народных песен, русских и особенно украинских, собранных Н. В. Гоголем. Этот том должен был войти в большое академическое собрание сочинений Гоголя, как пятнадцатый его том. Но издательство торопилось закончить издание к столетию смерти писателя (1952) и побудило редакцию издания согласиться с исключением пятнадцатого тома, тем более что записанные Гоголем песни, конечно, нельзя было считать его сочинениями... Так том песен и остался у меня на руках. Сейчас есть надежда, что песни эти выпустит Академия наук УССР — в серии старых записей украинского фольклора.

Остался неопубликованным и пространный (14 лл.) комментарий к двуязычному сборнику (в оригинале и в русских поэтических переводах, en regard) «Кобзаря» Шевченко. Это издание предполагалось выпустить в академической серии «Литературных памятников», сначала под редакцией академика А. И. Белецкого, затем, после его смерти, под редакцией акад. М. Ф. Рильского. После смерти Рильского издание это выпало из планов «Литературных памятников».

Назову, наконец, несколько больших статей, также не увидевших печати: «Гоголь и фольклор» (6 лл.; статья должна была предварять названный том песен в записи Гоголя), «Судьба литературного наследия Гоголя» (6 лл.; статья предназначалась для «Литературного наследия», но не была окончена из-за тяжелой болезни и смерти моей жены²⁰), «Белинский и украинская литература» (5 лл.), «История Валуевского циркуляра 1863 г. о запрещении украинской литературы» (4 лл.), «Судьба литературного наследия Потебни» (4 лл.). Из этих статей одну, — о литературном наследии Гоголя, — я частично напечатал в виде нескольких отдельных фрагментов. Остальные залегли у меня, так как сокращение каждой из них или превращение в несколько отдельных статей я считал и продолжаю считать неоправданным. Пускай дождутся своего времени!..

В течение многих лет я работал, так сказать, «широким фронтом», постоянно привлекая значительное количество архивных и рукописных источников, производя раскопки в старых журналах и газетах, захватывая попутно и то, что в данный момент, непосредственно не имело отношения к задуманной или выполнявшейся работе, но могло бы пригодиться в будущем, — мне самому или другим лицам. После любой работы, после любого обращения к архивным или рукописным хранилищам оставались «заделы», иногда весьма значительные. С течением времени образовался

²⁰ Вторая жена Айзенштока Ксения Николаевна Карпенко родилась в 1903 году в Литве, была доктором медицинских наук и умерла в мае 1952 года (Л. 24 об.).

большой архив копий и выписок, он и на сегодня остается большим, несмотря на то что много людей, кроме меня, им пользовались и пользуются. В меру отпущенных мне судьбою лет и сил, хотелось бы еще большую или меньшую часть накопленных материалов использовать в печати, в будущих моих работах. Хотелось бы также собрать две-три книги из уже опубликованных некогда работ по истории украинской литературы, — от «Енеїди» до «Основы», — а также из истории украинско-русских литературных отношений. полагаю, что и из моих работ, касающихся русской литературы, тоже можно было бы сделать книгу, небезынтересную для читателя, даже «широкого». Хотелось бы наконец свести воедино мои многолетние разыскания о П. Гулаке-Артемовском и Г. Квитке-Основьяненко, — на протяжении многих лет я писал о них неоднократно, но не исчерпал всего собранного и узнанного.

Не знаю, что именно из перечисленных замыслов и предположений мне посчастливится осуществить, — хотелось бы сделать возможно больше и, во всяком случае, оповестить при сем случае о том, что мне кажется заслуживающим публикации.

Есть у меня и еще одно обязательство — перед обществом, перед товарищами: записать мои воспоминания о научно-литературных, — за много лет, — встречах и отношениях, иногда близко-дружеских, о военных событиях и встречах. Кое-что уже сделано, — не систематически, а так, от случая к случаю, удовлетворяя требования и уговоры отдельных товарищей. Уповаю и эту работу продолжить и систематизировать, — опять-таки, в меру необходимости и собственных сил.

Я прошел большой жизненный путь. Научно-литературная работа моя, как указывалось, продолжается уже пятьдесят восемь лет; научно-педагогическая — немногим меньше. Среди бывших моих слушателей, среди тех, кому я, в разное время, помогал в работе, мне известно более десяти докторов и, вероятно, десятка два кандидатов наук, — не так уж много, в конце концов, но следует ведь принять во внимание, что преподавательская работа, которую я очень уважаю и бесконечно люблю, никогда не была для меня основной. Следуя известному завету М. Е. Салтыкова-Щедрина, я всегда паче всего почитал звание литератора и предпочитал его всем иным. Никогда не гнался я за учеными степенями и званиями. В свое время, в 1935 г., после установления в СССР ученых степеней и званий, Президиум Академии наук СССР присвоил мне ученую степень кандидата филологических наук. Перед войною я исподволь подготавливал докторскую диссертацию о Квитке-Основьяненко, однако не закончил ее, а в послевоенные годы был загружен общественной и заказной литературной работой настолько, что времени думать о докторстве не оставалось. Хотя многие друзья и сочувствователи (А. И. Белецкий, П. Н. Берков, Н. К. Гудзий, А. А. Гозенпуд, А. Л. Дымшиц, П. В. Жур, — этот список можно было бы намного удлинить) наседали на меня, требуя, чтобы я обязательно и возможно бы-

стрее стал доктором; «ведь у вас по крайней мере с полдесятка готовых докторских диссертаций», — писал мне как-то А. И. Белецкий²¹.

В то же время я отчетливо ощущаю все неудобства и невыгоды свое нынешнее положение <sic> в науке, — положение не то реликтового динозавра, не то кустаря-одиночки. О всевозможных конференциях, сессиях, заседаниях, — о тех форумах, где обычно встречаются и общаются литературоведы нашей страны, — я узнаю по большей части из газет, уже после того, как эти «мероприятия» закончились²². А между тем я, думается, еще мог бы оказаться полезным при обсуждении многих и многих вопросов. Когда окружающая меня завеса забвения была несколько лет тому назад прервана Редакцией Украинской Советской Энциклопедии, когда Президиум Академии наук УССР ввел меня в состав редколлегии Шевченковской

²¹ В архиве отложился любопытный документ за подписью О. Н. Шестинского (без даты): «Секретариат Ленинградской писательской организации просит разрешить члену Союза писателей, критику, литературоведу и историку литературы И. Я. Айзенштоку защиту его литературоведческих работ по совокупности в качестве докторской диссертации. <...> Еще в 1964 году Ученый Совет института литературы АН УССР вынес постановление о целесообразности присуждения докторской степени И. Я. Айзенштоку по совокупности работ. Однако, по ряду причин сам ученый не нашел возможным пойти навстречу этим пожеланиям, поскольку часть работ, которые предполагалось “защищать”, была написана в 20–30 годы и многое в них стало пройденным этапом. На протяжении 1964–1970 гг. Айзеншток написал ряд новых работ — о Котляревском, Гулаке-Артемьевском, украинских поэтах-романтиках и т. д. Сейчас в соединении со старыми работами Айзенштока получается обширный цикл исследований, который условно может быть назван “Вопросы изучения украинской литературы первой половины XIX в.”. И. Я. Айзеншток вот уже более столетия трудится в области филологических наук. И в нашей стране, и в братских социалистических странах его исследование ценятся как работы, оснащенные богатейшим фактическим материалом, пронизанные единым стержнем марксистской методологии, проникнутые духом ленинской партийности. Видный ученый, автор более 500 научных работ, активно участвующий в общественно-научной и литературной жизни страны, И. Я. Айзеншток заслуживает, по мнению писательской общественности, высокого ученого звания — по совокупности проделанной им работы» (Л. 94–95). В том же деле см. рекомендацию П. В. Жура, выданную Айзенштоку для присуждения докторской степени (Л. 96–97) и справку о его научной деятельности (Л. 98–100). Судя по всему, эти старания не увенчались успехом. Стоит отметить, что мысли о докторской мелькали у ученого как минимум с сентября 1942 года, когда М. К. Азадовский писал ему из Иркутска, отвечая на неизвестное нам письмо: «Да, большим бы праздником было организовать в недалеком будущем Вашу защиту и торжественно приобщить Вас к числу авторитетнейших фольклористов» (Азадовская 1981: 214) еще в отчете за 1948 год ученый указывал: «В 1948 г. я работал над: а) монографией “Русско-украинские литературные отношения 1798–1863”, 25–27 печ. листов, которую заканчиваю в 1949 г. и рассчитываю защищать в качестве диссертации на степень доктора филологических наук; б) книгой “Мицкевич. Жизнь и творчество”, общим объемом 10 печ. листов, которую должен сдать в Гослитиздат 1 мая 1949 г.» (Л. 72).

²² В 1978 году Айзеншток писал И. С. Эвентову с просьбой вернуть данную ему книгу: «Я бы и сам зашел за нею как-нибудь, но я — хвораю, почти не выхожу из дома (во всяком случае, за пределы ограниченных маршрутов: дом — Лавка писателей — продовольственные магазины на Невском, до Садовой). Даже в университет перестал ходить. И — на собрания в Доме писателя не хожу, из-за духоты и курения» (ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-203. Оп. 2. Д. 36. Л. 1). См. также в письме А. Г. Островского к А. И. Дейчу от 13 июля 1970 года: «Должен еще до отъезда посетить Иеремию Айзенштока, который, как Диоген, никуда не вылезит из своей уютной бочке, на которой бисерным почерком написано: “Мой дом — моя берлога”» (РГАЛИ. Ф. 2837. Оп. 1. Д. 921. Л. 23).

Энциклопедии, — это не только крепко подбодрило меня, но, кажется, оказалось полезным для общего дела.

Я бесконечно далек от мысли при случае поплакаться на собственную оброшенность! Если сейчас я упоминаю о ней, то исключительно, как мне кажется, с деловой и даже партийной точки зрения. Человек живет и процветает в труде своем. Заканчивая этот беглый и неполный обзор моего трудового пути, всего содеянного мною на пользу родной советской культуры, я крепко надеюсь, что дальнейшие годы жизни, которые будут мне отпущены судьбой, пройдут не только в моем личном труде, но и в более тесных связях с литературной и литературоведческой жизнью, с товарищами по работе. Мне, по крайней мере, этого хотелось бы и, думаю, что это пошло бы на пользу нашего общего дела.

ЛИТЕРАТУРА

- Айзеншток Ієремія. *Автобіографія. Вибрані листи*. Упор., підгот. текстів та коментарі С. А. Захаркіна. Київ: Критика, 2003.
- Азадовская Лидия (публ.) «Из писем М. К. Азадовского (1941–1954)». *Из истории русской советской фольклористики*. Ленинград: Наука, 1981: 205–265.
- Азадовский Константин (ред.) *Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка. 1944–1954*. Москва: Новое литературное обозрение, 1998.
- Бабак Галина, Дмитриев Александр. *Атлантида советского нацмодернизма: Формальный метод в Украине (1920-е — начало 1930-х)*. Москва: Новое литературное обозрение, 2021.
- Гальченко Світлана. «Про працю І. Я. Айзенштока над науковою біографією О. О. Потебні». *О. О. Потебня і проблеми сучасної філології: Зб. наук. праць*. Київ: Наукова думка, 1991: 191–194.
- Галушкин Александр. «Неудавшийся диалог (Из истории отношений формальной школы и власти)». *Шестые Тыняновские чтения*. Рига — Москва: б. и., 1992: 210–217.
- Захаркін Степан. «Коментарі». Айзеншток Ієремія. *Автобіографія. Вибрані листи*. Київ: Критика, 2003: 59–186.
- Конусова Елена. *Коллекция автобиографий и библиографических материалов С. А. Венгерова: Формирование и историко-литературное значение*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2016.
- Короленко Богдан. «125-літній ювілей Тараса Шевченка: комеморація 1939 року». *Національна та історична пам'ять: зб-к наук. праць*. Вип. 2. Київ, 2012: 348–367.
- Модзалевский Борис. «Из записных книжек 1920–1928 гг. Публ. Т. И. Краснобородько и Л. К. Хитрово». *Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2005: 7–191.
- Научные сотрудники Пушкинского Дома. 1905–2005*. Материалы к справочнику. Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2005: 387–552.
- Слонимский Александр. «О редакторском произволе (по поводу академического издания Н. В. Гоголя)». *Литературная газета* 4 (10 января 1953): 3.
- Спроге Василий. «Записки инженера». *Записки инженера: Воспоминания, впечатления, мысли о революции*. Москва: Русский путь, 1999: 133–513.

REFERENCES

- Ajzenshtok Ieremiya. *Avtobiografija. Vibrani listi*. Upor., pidgot. tekstiv ta komentari S. A. Zaharkina. Kiiv: Kritika, 2003.

- Azadovskaya Lidiya (publ.) *Iz pisem' M. K. Azadovskogo (1941–1954). Iz istorii russkoj sovetskoj fol' kloristiki*. Leningrad: Nauka, 1981: 205–265.
- Azadovskij Konstantin (red.) *Mark Azadovskij, Julian Oksman. Perepiska. 1944–1954*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 1998.
- Babak Galina, Dmitriev Aleksandr. *Atlantida sovetskogo natsmodernizma: Formal'nyj metod v Ukraine (1920-e — nachalo 1930-h)*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021.
- Gal'chenko Svitlana. “Pro pracyu I. Ya. Ajzenshtoka nad naukovoyu biografieyu O. O. Potebni”. *O. O. Potebnyia i problemi suchasnoi filologii: Zb. nauk. prac'*. Kiev: Naukova dumka, 1991: 191–194.
- Galushkin Aleksandr. “Neudavshijsya dialog (Iz istorii otnoshenij formal'noi shkoly i vlasti)”. *Sheste Tynyanovskie chteniya*. Riga — Moskva: b. i., 1992: 210–217.
- Konusova Elena. *Kollektsiya avtobiografii i biobibliograficheskikh materialov S. A. Vengerova: Formirovanie i istoriko-literaturnoe znachenie: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Sankt-Peterburg*, 2016.
- Korolenko Bogdan. “125-litnij juvilej Tarasa Shevchenka: komemoracija 1939 roku”. *Nacional'na ta istorychna pam'jat': zb-k nauk. prac'*. Vyp. 2. Kyiv, 2012: 348–367.
- Modzalevskij Boris. “Iz zapisnyh knizhek 1920–1928 gg. Publ. T. I. Krasnoborod'ko i L. K. Hitrovo”. *Pushkinskij Dom: Materialy k istorii. 1905–2005*. Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin, 2005: 7–191.
- Nauchnye sotrudniki Pushkinskogo Doma. 1905–2005. Materialy k spravochniku. Pushkinskij Dom: Materialy k istorii. 1905–2005. Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin, 2005: 387–552.*
- Slonimskii Aleksandr. “O redaktorskom proizvole (po povodu akademicheskogo izdaniia N. V. Gogolia)”. *Literaturnaya gazeta* 4 (10 ianvaria 1953): 3.
- Sproge Vasilij. “Zapiski inzhenera”. *Zapiski inzhenera: Vospominaniya, vpechatleniya, mysli o revoliucii*. Moskva: Russkij put', 1999: 133–513.
- Zaharkin Stepan. “Komentari”. *Ajzenshtok Ieremija. Avtobiografija. Vibrani listi*. Kiiv: Kritika, 2003: 59–186.

Валериј Отјаковски

АУТОБИОГРАФИЈА Ј. Ј. АЈЗЕНШТОКА

Резиме

У наставку је објављена аутобиографија Ј. Ј. Ајзенштока, праћена обимним коментаром, који је у великој мери заснован на архивској грађи. Ови документи не само да реконструишу биографско платно научника, већ указују и на спорна и контроверзна питања у вези са његовом биографијом. Разлози његовог пресељења у Лењинград, реконструкција службе војног рока током Другог светског рата и покушаји да пронађе своје место међу лењинградским културним институцијама — јесу питања која истраживачима предстоји да реше у вези са објављеним материјалима.

Кључне речи: Ј. Ј. Ајзеншток, Институт „Тарас Шевченко“, Пушкински дом, Савез писаца.